

Субнациональная политика

УДК-323(470+571)

«ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ» В СОСТАВЕ «НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИН»: ПРОТИВОРЕЧИЯ СУБРЕГИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКИХ РЕСПУБЛИК¹

О. Б. Подвинцев²

Рассматриваются социально-политические последствия, вытекающие из наличия в составе двух «национальных» субъектов РФ – Республики Коми и республики Саха (Якутия) – переселенческих территорий, для которых характерна собственная идентичность и достаточно высокая доля титульного этноса в составе населения. Констатируется наличие латентных угроз целостности соответствующих субъектов федерации и делается вывод о том, что национальная политика и политика идентичности, проводимые и в том, и в другом регионе, пока не дают адекватных ответов на существующие в связи с этим вызовы.

Ключевые слова: регион; переселенческая территория; идентичность; национальная политика; политика идентичности.

Сами термины «переселенческие территории» и «национальные окраины» в буквальном значении весьма условны. Под «переселенческими» могут пониматься территории, массовая миграция на которые достаточно давно закончилась и, более того, для которых в современных условиях характерна миграционная убыль населения. Национальными же могут быть не только окраинные, с точки зрения близости границ, территории. Тем не менее, выделение данных типов имперских владений сохраняет актуальность и в постимперский период и в качестве инструментария может эффективно использоваться для анализа, в том числе внутрорегиональных процессов.

Наиболее очевидно сочетание национальных и переселенческих территорий для двух регионов, частично входящих в «полярную» (арктическую) зону РФ – республики Коми и Якутия (Саха). Эти два географически очень далеких

¹ Исследование выполнено в Пермском государственном национальном исследовательском университете за счет гранта Российского научного фонда: проект № 15-18-00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств».

² Подвинцев Олег Борисович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет; заведующий отделом по исследованию политических процессов и институтов, Пермский научный центр УрО РАН. E-mail: podvintsev2009@yandex.ru.

© Подвинцев О. Б., 2017

друг от друга и обширных по занимаемой площади региона, исторически являясь частями одной имперской системы, оказываются довольно схожи. Формирование переселенческого «Севера» в Коми и переселенческого же «Юга» в Якутии связано с созданием новых угледобывающих (в Коми к углю затем добавилась и добыча нефти) районов во времена СССР. Таким образом, произошло это в исторически относительно недавний период. При этом и в том, и в другом случае новые промышленные регионы не примыкали территориально к «историческому (национальному) ядру» государства, а были отделены от него, в том числе «национальными окраинами», с которыми оказались объединены в общие субъекты федерации, имеющие титульный этнос.

Однако в настоящее время тенденции соотношения «русского» (русскоязычного) и «титульного» населения в этих субъектах федерации различны. В Коми доля русскоязычного населения медленно, но продолжает увеличиваться, а в Якутии, напротив, в противовес «титульному» и вообще коренному, продолжает достаточно быстро сокращаться. И там, и там, однако, для переселенческих территорий с преобладающим русскоязычным населением имеет место сокращение общего числа жителей за счет отрицательной миграции [5]. В Якутии представители титульного этноса уже составляют сейчас относительное большинство населения, и в масштабах всей республики (около 50 %), и в столице региона Якутске (47 %). В Сыктывкаре представителей народа коми, по переписи 2010 г., 25,9 %, примерно столько же, сколько и по республике в целом.

Социально-экономическая специфика переселенческих территорий в составе Коми и Якутии определила и социальную структуру их населения. Поскольку речь шла о промышленном освоении территорий, а климатические условия на них являются тяжелыми, данные районы, в отличие от большинства других в своих субъектах федерации, остаются чрезвычайно урбанизированными. По сути, речь идет лишь о городских сообществах. Вместе с тем, это облегчило процесс формирования внутрирегиональных центров для соответствующих территорий. И в Республике Коми, и в Якутии переселенческими являются вторые по величине, после республиканских центров, города: соответственно Ухта и Нерюнгри. При этом к Ухте первенство в данной части Республики перешло от Воркуты, еще в советское время за пестрый состав своего населения получившей прозвище «столицы мира». Воркута в постсоветский период несет очень большие потери населения – со 115,6 тыс. чел. в 1989 г. до 59,2 тыс. чел. в 2016 г. Однако определенная инерция восприятия Воркуты как столицы переселенческой части Республики Коми, сохраняется, как в самом городе, так и за пределами региона.

Особый характер соответствующих территорий легко заметен внешнему наблюдателю. «Воспринимается Воркута как весьма самодостаточный город, и о её принадлежности к Коми даже легко забыть», – отмечает один из современных путешественников, добавляя, что о принадлежности к этническому региону напоминает, тем не менее, «дублирование табличек на официальном языке

республики» [1]. Вполне закономерно, что объективно существующие территориальные различия приводят к корректировкам национальной политики в данных регионах.

В частности, реализация в Коми республиканского закона, предусматривающего введение обязательного преподавания языка титульного этноса во всех школах республики, в переселенческих городах Севера столкнулось с серьезными проблемами как технического (отсутствие национальных кадров, в результате преподавание приходилось поручать преподавателям русского языка, прошедшим соответствующую переподготовку), так и социально-политического (большинство жителей Севера не видели смысла в том, чтобы их дети учили язык, на котором говорит полпроцента местного населения) характера. В результате, это повлекло за собой введение в данной части республики особого порядка реализации данного закона, фактически превратившего изучение языка коми в формальность. Впрочем, данная дифференциация может трактоваться и в негативном ключе. Так, авторы из расположенного в Якутске Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН полагают, что в Мирненском и Нерюнгринском районах Якутии «коренные этносы находятся на грани этнической катастрофы» [4].

Внутрирегиональные различия имеют и политическое измерение. Об этом, в частности, свидетельствуют итоги голосования на выборах главы Якутии, состоявшихся в сентябре 2014 г. – в территориях, населенных преимущественно якутами и другими коренными народами действующий руководитель региона показал заметно более высокие результаты, чем в муниципальных образованиях с преимущественно русским населением¹. Помимо настроений избирателей это может характеризовать и различия в степени административного контроля за политическим процессом на местном уровне. Одной из очевидных особенностей политических предпочтений жителей «севера» в Коми в настоящее время стал довольно высокий, по сравнению с другими районами республики и страной в целом, уровень поддержки ЛДПР².

Наконец, рассматриваемые различия внутри Коми и Якутии отражаются и в идентичности населения. Еще по опросам РОМИР 2004 г. только 37 % респондентов в Коми полагало, что население республики едино, причем объединяющими факторами для них выступают территория и общность экономиче-

¹ Правда, как самый низкий, так и самый высокий результат Е. А. Борисов показал в территориях с преимущественно якутским населением. В Намском улусе он получил 43,84 % голосов, а Чурапчинском 93,98 %. Объясняется это просто – в Намском улусе родился его основной соперник на этих выборах, а в Чурапчинском – он сам. В Якутске действующий глава республики набрал 50,42 % голосов, что тоже стало одним из самых низких его результатов (<http://www.yakut.vybory.izbirkom.ru>).

² На выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания РФ седьмого созыва, прошедших 18 сентября 2016 г., в Воркуте ЛДПР получила 29,28 % голосов, в Инте – 28,79 %, в Ухте – 22,64 %, при общем результате данной партии по региону – 22,59 % (<http://www.vybory.izbirkom.ru>).

ских интересов, а не культурно-ментальные особенности [7, 77]. И жители «севера» в Коми, и жители «Юга» в Якутии рассматривают свои города и районы как особую часть своего субъекта федерации. При этом подчеркивается их важная роль не только для республики, но и для России в целом. Вот, например, строки из посвященного Воркуте стихотворения Э.Даньщикова, опубликованного в местной газете:

*И в наши дни свои страницы
Вписал в судьбу России всей!
И этим вправе мы гордиться,
Перешагнул он все границы –
Печорский угольный бассейн [2].*

Примечательно, что в подборке стихотворных текстов разных лет об этом городе, откуда взяты данные строки, регион Коми не упоминается вовсе [6].

А это строки из гимна г. Нерюнгри:

*Дружба наших народов крепка, как гранит!
Нерюнгринский район добрый ангел хранит!...
По заветам отцов, залы новых дворцов,
Стадионы построим и школы.
Всё на благо детей, всё для юных творцов
Полюбившим душой край суровый.
Нерюнгринский район, мы, гордимся тобой -
Наша вера, надежда и сила!
Здесь отеческий кров, ставший нашей судьбой
И тобою гордится Россия!*

Смешанный в этническом отношении состав населения, формирование на этой основе нового социума тоже служит предметом вдохновения и гордости местных поэтов. В доказательство приведем цитату из стихотворения нерюнградской поэтессы Людмилы Носковой:

*Красивые в Нерюнгри люди, нет в лицах единообразия,
И это понятно. По сути, слились здесь Европа и Азия.
Грузинская кровь с украинской, якутская кровь и бурятская –
Такой вот «коктейль» нерюнгринский, такое содружество братское [3].*

Общим неформальным наименованием для северных районов Республики Коми является «Заполярье». Этот термин в советские времена носил универсальный характер и был более распространен, сейчас же связан с тремя российскими территориями – Мурманской областью, регионом Норильска и тем, о котором идет речь. Восприятие Арктики как отдельной части страны, формирующееся в современной России, вполне вероятно, усилит идентификационный разрыв между населением «Севера» и остальной части Республики Коми. Кроме того, для воркутинского «Заполярья» характерно в определенной степени

(возможно, по инерции) некоторое соотнесение себя с Уралом, в то время как остальная часть Республики Коми, скорее, ориентирована на Северо-Запад России, и не только в формальном, но и в неформальном отношении (не являясь при этом частью «Русского Севера»). В ходу неформальное историко-этническое наименование региона – «Парма», гораздо чаще используемое, чем «Заполярье».

Неформальное название переселенческого региона в Республике Саха более прозаичное – Южная Якутия [8]. Показательно, что в названиях кафе или гостиниц Нерюнгри вообще нет никакой специфической местной привязки. В то же время очевидно свойственное местным жителям противопоставление себя населению других, в частности, сельских районов Республики. В ходу пренебрежительное наименование для них – «улусники». Соответственно, судя по материалам Интернет-форумов, у потенциальных мигрантов-саха из других районов республики существуют опасения, что в Нерюнгри они могут столкнуться с неприязнью на национальной почве.

Во входящем в состав Коми Заполярье наблюдается не только стремление отстаивать свои особые интересы и специфику, но и попытки перетянуть на себя региональный центр принятия решений. В республике распространен миф о том, что в конце 1930-х гг. руководство СССР уже собиралось перенести столицу региона из Сыктывкара в Ухту, и только начавшаяся война помешала этому. Вновь вопрос о переносе столицы Республики Коми в Ухту был поднят в 2009 г. при обсуждении проекта регионального закона «О статусе столицы»¹. И хотя подобная инициатива во многом носила эпатажный характер, она продолжала обсуждаться и в дальнейшем. Пока Ухте принадлежит лишь неоспариваемый неформальный статус «нефтяной столицы» республики, однако, иногда она фигурирует и как «вторая столица».

Главным фактором, определяющим состояние межнациональных отношений в Якутии, в настоящее время является динамика этнического состава населения в республике в целом и в ее столице. Возникающий конфликтный потенциал вряд ли сможет сдержать прежние принятые в республике политические механизмы, такие, как «еще советская практика назначения на руководящие должности с учетом национального фактора, когда из двух первых лиц один является саха, другой русским» [4].

Власти республики признают, что формирование общей, наднациональной, региональной идентичности в настоящее время имеет для Якутии особенно важное значение. Развитие этого процесса должно способствовать предотвращению возможных национальных конфликтов и объединению двух социумов в единое целое. Определенные рубежи в этом направлении достигнуты.

¹ Обсуждение закона «О статусе столицы Республики Коми» вылилось в спор Сыктывкара и Ухты (<https://www.bnkomu.ru/data/news/2134/>). При этом ухтинцы ревностно оберегают от посягательств со стороны Воркуты эпитет «Жемчужина Севера» См.: Дискуссия в сети: «Поблекшая жемчужина» (<http://заполярья-онлайн.рф>).

В настоящее время в политике идентичности власти республики активно используют, в частности, «арктический» вектор, продвигая концепцию «арктической цивилизации», стремясь объявить свой регион ее оплотом (вступив при этом в не очень пока удачно развивающееся для них соперничество с ЯНАО). В рамках такой цивилизационной общности, не важно, была ли она свойственна изначально или приобретена в относительно недавний период, этнические различия должны отойти на второй план. Общим термином, обозначающим всех жителей региона, в настоящее время стало слово «якутяне». Примечательно, что ранее так именовали часть «старожильческого» населения, подвергшего метисизации и воспринявшего многие черты образа жизни, а частично и язык, якутов (по переписи 2002 г. «якутяне» были внесены в алфавитный перечень национальностей и языков России, составленный Институтом Этнологии РАН РФ, и таковыми себя признали 46 человек). В современных условиях отнесение себя к «якутянам», равно как и ощущение принадлежности к «арктической цивилизации», достаточно легко могут стать благоприобретенной идентичностью, не требующей отказа от прежней этнической. Однако, какой эффект такая политика имеет на русскоязычном «Юге» республики, судить пока трудно.

В Коми подобная политика, очевидно, представляется не столь актуальной. Власти республики предпочитают делать акцент на работе с различными живущими в регионе этническими группами через диалог и сотрудничество, чтобы предотвращать возможные конфликты. При этом в политике идентичности в основном сохраняется акцент на позиционировании всего региона как части финно-угорского мира. В частности, вплоть до недавнего времени в республике реализовывалась программа «Основные направления развития туристского комплекса в Республике Коми на 2008–2015 гг.», определяющая в качестве основного регионального бренда «Финноугорию» и предусматривающая раскрутку этнографической специфики территории (на основе мифологии и легенд коми и финно-угорских народов). Показательно, что недавний глава республики Вячеслав Гайзер, предпочитал позиционировать себя как представителя народа коми, несмотря на незнание языка он подчеркивал, что вырос в коми-язычной семье. При этом власти региона уже достаточно давно, фактически, смирились с тем, что проиграли коллегам из Мордовии соперничество за возможность быть неформальным центром для всех финно-угорских народов России (как выразился один из экспертов: «Мы получили медаль, а они – мешок с деньгами»). Причины этого, по признанию участников процесса, заключались в более эффективно выстроенных со стороны мордовских властей механизмах лоббистской деятельности на федеральном уровне.

В качестве постоянного значимого актора межнациональных отношений в регионе экспертами отмечается лишь движение народа коми, руководство которого давно уже (фактически с рубежа 1980–1990-х гг.) «срослось» с политической элитой республики, интегрировалось в органы власти. По сути, в Коми продолжают действовать механизмы национальной политики, апробированные еще в 1990-е гг., причем некоторые из них приобрели формальный характер и

работают на «холостом ходу». В частности, это произошло с ежегодными повсеместно проводимыми в республике конференциями коми народа.

Опрошенные в Республике Коми эксперты отмечали, что в данном регионе на рубеже 1980–1990-х гг., раньше, чем в большинстве других субъектов Российской Федерации, была выработана и стала проводиться новая национальная политика, позволившая снять назревавшие конфликты и создать основу для их предотвращения в будущем. Однако следует признать, что та же по сути политика, проводимая по инерции в современных условиях, продолжает отвечать на вызовы, некоторые из которых уже не актуальны, и не замечать при этом новые вызовы. Национальная политика, проводимая в настоящее время в Республике Якутия (Саха) выглядит на этом фоне более динамичной и адекватной. Однако в силу объективных процессов внутрирегиональная дифференциация в Якутии, как и в Коми, продолжает усиливаться.

В целом, как представляется, и в том, и в другом из рассмотренных случаев существует латентная угроза целостности соответствующих субъектов РФ (естественно, в условиях возникновения более масштабного кризиса федеративных отношений), вытекающая для региональных элит либо из неспособности или даже невозможности найти адекватные ответы на появляющиеся вызовы (Якутия), либо просто из игнорирования их (Коми).

Библиографический список

1. Воркута. Общий портрет [Электронный ресурс] URL: <http://nord-ursus.livejournal.com/170023.html> (дата обращения: 12.10.2016). [Vorkuta. General Portrait. Available at: <http://nord-ursus.livejournal.com/170023.html> (accessed 12.10.2016)].
2. Даньщиков Э. Содрав с себя года «колючек»... // Заполярье. 2001. 23 авг. [*Dan'shchikov E. Stripping off years of "barbs". Zapolyar'e. 2001. August 23*].
3. Еникеева А.Ф. Сберегая память о первостроителях и улицах города Нерюнгри [Электронный ресурс] URL: <http://www.scienceforum.ru/2014/521/6711> (дата обращения: 19.09.2016). [*Yenikeeva A.F. Cherishing the memory of the first builders and streets of Neryungri. Available at: http://www.scienceforum.ru/2014/521/6711 (accessed 19.09.2016)*].
4. Николаев А. Кому выгоден якутский «национализм»? [Электронный ресурс]. URL: <http://sakhalfе.ru/node/73315> (дата обращения: 28.09.2014). [*Nikolaev A. Who benefits from the Yakut "nationalism"? Available at: http://sakhalfе.ru/node/73315 (accessed 28.09.2014)*]
5. Современная языковая ситуация в Республике Саха (Якутия). Социопсихолингвистический аспект / отв. ред. П.А. Слепцов. Новосибирск, 2013. [Modern language situation in the Republic of Sakha (Yakutia). Socio-psycholinguistic aspect. Novosibirsk, 2013].
6. Стихи и песни с топонимом «Воркута» (Воркута как текст культуры и литературы) [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-16060674_2219

8332?offset=40 (дата обращения: 09.10.2016). [Poems and songs with the toponym “Vorkuta”. Available at: https://vk.com/topic-16060674_22198332?offset=40 (accessed 09.10.2016)].

7. *Шабает Ю.П.* Территориальное сообщество и этнические воззрения населения коми // Социологические исследования. 2004. № 11. [*Shabaev Y.P.* Territorial community and ethnic attitudes of Komi population. *Sociological studies*. 2004. No. 11].
8. Южная Якутия – краткий экскурс [Электронный ресурс]. URL: <http://strana-yu-ya.narod.ru/index-old/other/south-yakutiya-little-bit.html> (дата обращения: 05.10.2016). [Southern Yakutia – a brief digression. Available at: <http://strana-yu-ya.narod.ru/index-old/other/south-yakutiya-little-bit.html> (accessed 10.05.2016)].

“RESETTLEMENT AREAS” WITHIN “NATIONAL OUTLYING DISTRICTS”: CONTRADICTIONS OF SUB-REGIONAL STRUCTURES OF RUSSIAN REPUBLICS

O. B. Podvintsev

Doctor of Political Sciences, Professor,
Department of Political Science, Perm State University;
Head of the Department of Political Institutions and Processes Research,
Perm Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Ural Branch)

The article analyzes social and political implications arising from the fact that within two “national” subjects of the Russian Federation – the Republic of Komi and Republic of Sakha (Yakutia) – there are resettlement areas, having their own identity and characterized by fairly high share of the titular ethnic group within the population. The author demonstrates the existence of latent threats to the integrity of the relevant subjects of the federation, and concludes that the ethnic and identity policies carried out in both regions do not provide adequate response to this challenge.

Keywords: region; resettlement area; identity; ethnic politics; identity politics.